

Н.К. Грунски

**Лекции по древне-церковно-
славянскому языку**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.К. Грунски**
Лекции по древне-церковно-славянскому языку / Н.К. Грунски – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 176 с.

ISBN 978-5-517-97928-5

ISBN 978-5-517-97928-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дователямъ. Недавно появившійся общій трудъ проф. Кульбакина по своему догматизму въ изложеніи совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ задачамъ, которыя долженъ преслѣдовать трудъ, имѣющій своею цѣлью введеніе читателя въ изслѣдуемый предметъ. Догматизмъ въ изложеніи въ области, которая представляетъ собою рядъ неразрѣшенныхъ загадокъ, которая вызываетъ много сомнительныхъ объясненій, является лишь отрицательной величиной. Мнѣ уже пришлось развивать эту мысль, когда я вынужденъ былъ подробно останавливаться на крайне пристрастной критикѣ моихъ лекцій, сдѣланной тѣмъ же проф. Кульбакинымъ.

1-е изданіе моихъ лекцій было охарактеризовано такъ проф. Яцимирскимъ: „Предъ нами лекціи по древне-слав. яз. проф. Юрьѣвскаго университета Н. К. Грунскаго . . . Съ необыкновенной добросовѣстностью и точностью онъ излагаетъ новѣйшіе взгляды ученыхъ на тотъ или иной научный вопросъ, не желая пропустить ничего существеннаго и сообщая въ сжатомъ видѣ такія свѣдѣнія, познакомиться съ которыми самостоятельно — слушателямъ, т. е. будущимъ преподавателямъ, положительно немислимо. . . Въ томъ же родѣ Н. К. Грунскимъ дѣлается пересмотръ и другихъ вопросовъ, кончая мелкими чисто грамматическими. Сначала идутъ мнѣнія ученыхъ, ихъ взаимный споръ, примѣры изъ древнихъ рукописей и т. д., а затѣмъ — выводъ, соотвѣтствующій современному намъ научному положенію. И имѣя подъ руками однѣ его лекціи читатель можетъ быть въ значительной степени увѣренъ, что онъ въ курсѣ дѣла. . .“

Главнымъ недостаткомъ 1-го изданія лекцій, недостаткомъ общаго характера, для меня особенно яснымъ, являются различнаго рода недосмотры, подчасъ очень грубыя опечатки, та „небрежная поспѣшность“, которую отмѣчаетъ въ своей небольшой замѣткѣ проф. Карскій, высказавшійся въ заключеніи этой замѣтки, что „авторъ обнаруживаетъ обстоятельное знакомство и съ литературою предмета и съ самимъ предметомъ“. Проф. Карскій въ другой своей

небольшой замѣткѣ по поводу моего изслѣдованія „Къ Зографскому Евангелію“ говоритъ, между прочимъ : „эта сравнительная небольшая работа содержитъ цѣнные матеріалы и даетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ новое освѣщеніе старыхъ фактовъ“. Главныя данныя изъ этого изслѣдованія внесены мною и въ лекціи.

Въ настоящемъ изданіи я даю текстъ лекцій значительно сокращеннымъ сравнительно съ 1-мъ изданіемъ, несмотря на то, что и послѣднее было конспективнымъ. Нѣкоторые вопросы я выдѣлилъ въ специальный курсъ. Нѣсколько лишь расширенъ отдѣлъ синтаксиса. вмѣстѣ съ тѣмъ я даю цѣлый рядъ снимковъ съ текстами, что является необходимымъ для практическихъ занятій. Думаю, что для практич. занятій особенно важно имѣть цѣликомъ въ снимкахъ памятники (напр. Кіевскіе Листки и Фрейзинг. Отр.).

I.

Вопросы, возбуждаемые древ.-ц.-сл. письменностью. — Вопросъ о происхожденіи и древности кириллицы и глаголицы.

Много неясныхъ, темныхъ страницъ представляетъ исторія первоначальной ц.-славянской письменности, тѣсно связанная съ жизнью и дѣятельностью славянскихъ первоучителей св. братьевъ Кирилла и Меѳодія. Много вопросовъ вызываетъ она въ умѣ изслѣдователя. Здѣсь находится почва и для историка церкви и политическихъ отношеній, здѣсь же возникаютъ вопросы чисто этнографическаго характера и узко лингвистическіе. Предъ изслѣдователемъ находятся нѣкоторые историческіе памятники, свидѣтельствующіе объ этой эпохѣ, но памятники эти сравнительно уже поздняго времени, освѣщаютъ предметъ нѣсколько односторонне, не безъ извѣстныхъ вымысловъ, преданій, а иногда даже противорѣчиво. А затѣмъ, предъ изслѣдователемъ какъ загадка находятся древнѣйшіе ц.-слав. памятники, это — переводы или отрывки изъ переводовъ свящ. Писанія и книгъ богослуженныхъ, но также по всѣмъ даннымъ не относящіяся ко времени первоначальной ц.-слав. письменности, хотя и тѣсно съ ней связанные и представляющіе отчасти копіи съ оригиналовъ этой эпохи.

Прежде всего поражаетъ то, что древнѣйшіе ц.-слав. памятники писаны двумя азбуками, на первый взглядъ совершенно различными — глаголицей и кириллицей. И памятники, писанные этими двумя азбуками, не уступаютъ другъ другу въ древности; они говорятъ также о своемъ близкомъ родствѣ относительно мѣста своего происхожденія. Зачѣмъ же, спрашивается, понадобились славянамъ двѣ азбуки, особенно

если эти азбуки возникли почти въ одно и то же время или на одной и той же почвѣ? Если одинъ изъ алфавитовъ былъ составленъ св. Кирилломъ, какъ указываютъ на то главные историческіе памятники, знающіе при томъ одинъ алфавитъ (неизвѣстно, впрочемъ, какой), то кому принадлежитъ другой; почему о немъ не упоминается въ историческихъ свидѣтельствахъ, и какой именно принадлежитъ Кириллу; какъ вообще примѣнять личное начало въ составленіи этихъ алфавитовъ, принимая во вниманіе новѣйшія теоріи о постепенности ихъ образованія? Гдѣ источники особенно загадочной слав. азбуки-глаголицы, древность которой съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе становится несомнѣнной, гдѣ источники нѣкоторыхъ буквъ и кириллицы, поражающихъ нѣкоторымъ сходствомъ съ подобными-же начертаніями глаголицы? Затѣмъ, ни одно изъ современныхъ славянскихъ нарѣчій не подходитъ всецѣло къ типу языка, создаваемого на основаніи древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ, отличающихся другъ отъ друга, впрочемъ, уже извѣстными діалектическими особенностями — спрашивается, какому-же изъ славянскихъ нарѣчій выпало на долю быть священнымъ языкомъ большей части славянъ.

И если на два такихъ главныхъ вопроса, какъ вопросъ объ источникахъ ц.-слав. азбукъ и ихъ взаимоотношеніяхъ, о родинѣ ц.-слав. языка, давались самые разнообразныя отвѣты, то нечего говорить о другихъ многочисленныхъ вопросахъ, вызываемыхъ кирилло-меѳодіевскимъ временемъ. Много уже трудовъ посвящено разработкѣ этихъ вопросовъ. Начало ц.-слав. письменности, ея первые шаги и развитіе въ Моравіи и Панноніи, трагическая судьба ея въ этихъ странахъ и затѣмъ расцвѣтъ въ иной странѣ, родственной, хотя и инославянской, неотразимо влекутъ къ себѣ вниманіе славистовъ. На протяженіи болѣе чѣмъ 100 лѣтъ занимаютъ этими вопросами слависты, стремятся взглянуть въ эту загадочную и священную для насъ даль вѣковъ. На протяженіи всего перваго вѣка славистики, какъ науки, кирилло-меѳодіевское время является однимъ изъ главныхъ, центральныхъ ея пунктовъ. Но и въ настоящее время мы не можемъ представить себѣ цѣльной и полной картины этой эпохи.

Безъ сомнѣнія, христіанство начало проникать къ южнымъ и западнымъ славянамъ еще задолго до дѣятельности Кирилла и Меѳодія, но врядъ ли до нихъ дѣлались попытки

къ выработкѣ славянской письменности. Последняя тѣсно связана съ тѣми же двумя азбуками, о которыхъ я сказалъ; одна изъ этихъ азбукъ древнѣе и несомнѣнно является дѣломъ Кирилла. Коснусь здѣсь главнѣйшихъ историческихъ указаній и, не затрогивая общаго фона времени, остановлюсь на загадочномъ вопросѣ о происхожденіи и взаимоотношеніи славянскихъ азбукъ. Древнѣйшимъ историческимъ свидѣтельствомъ о славянской письменности и, въ частности, азбукѣ считается „Сказаніе о письменѣхъ“ черноризца Храбра. „Прѣжде оубо, замѣчаетъ Храбръ, словѣ не немѣхъ книгъ, нѣ чрътами и рѣзами чѣтѣхъ и гатаахъ погани сѣще“. — Черты и рѣзы это, очевидно, своеобразный первобытный способъ, употреблявшійся для счета. „Кръстивше же съ римскими и грѣчскѣими писмены нѣждаахъ писати словѣнскѣи рѣчь безъ оустроения“. Въ этихъ словахъ памятникъ указываетъ на попытку примѣненія греческой и латинской азбуки для выраженія славянскихъ словъ; но, конечно, здѣсь нельзя видѣть указанія на возникновеніе письменности, это были только своего рода пробы. „Но какъ“, находимъ далѣе у Храбра, можно „добрѣ писати грѣчскѣими писмены“ такія слова, какъ Богъ или животъ или црковь и пр. — указаніе на недостатокъ въ греческомъ алфавитѣ знаковъ для выраженія звуковъ въ славянской рѣчи, какъ *б, ж, ц* и пр. Такъ было много лѣтъ, „потомъ же, — продолжаетъ Храбръ, — чловѣколюбыцъ Богъ, строй всѣ и неоставлѣа чловѣча рода безъ разоума, нѣ вса къ разоумоу приводѣа и спасенію помиловавъ родъ словѣнскъ посла имъ свѣтаго константина философа нарицаемаго кирила мужа праведна и истина и сътвори имъ писмена“. . . Создавалъ онъ азбуку по образцу греческой азбуки, какъ греки, создавая последнюю, руководились азбукой еврейской. Буквы же *б, ц, ш* и пр. были изобрѣтены Кирилломъ, какъ замѣчаетъ Храбръ, „по словѣнскѣи рѣчи“. Что значитъ последнее выраженіе, нѣсколько неясно, и здѣсь мы находимъ у ученыхъ различныя объясненія. Скорѣе всего, это значитъ, что недостатокъ знаковъ восполненъ Кирилломъ, какъ требовала славянская рѣчь, но источникъ, откуда заимствовано, не указанъ. Далѣе Храбръ защищаетъ славянскій алфавитъ и славянскую письменность противъ тѣхъ, которые говорили о несовершенствѣ этого алфавита и о ненужности славянской письменности. Храбръ напротивъ, стремится доказать, что славянскій алфавитъ и

письменность должны быть признаны выше греческихъ алфавита и письменности, такъ какъ обязаны своимъ происхожденіемъ одному человѣку, одухотворенному Богомъ, въ то время, какъ послѣдніе создавались постепенно, благодаря усиліямъ многихъ лицъ, а греческій алфавитъ даже получилъ свое начало въ языческія времена.

Кто былъ авторъ этой пламенной защиты интересовъ славянъ, когда и гдѣ онъ жилъ, — неизвѣстно. Древнѣйшая рукопись, содержащая это сказаніе, относится къ XIV ст. Одна фраза въ сказаніи: „бо еще живи, иже сдѣтъ видѣли ихъ“ (т. е. Кирилла и Меѳодія) заставляла и заставляетъ ученыхъ относить этотъ памятникъ не позже, какъ къ X ст., и видѣтъ въ авторѣ какого-то монаха, жителя Македоніи или Панноніи. Фразѣ этой, находящейся при томъ въ одномъ спискѣ, болѣе позднемъ, конечно, нельзя придавать такого значенія въ виду того, что въ древнѣйшихъ рукописяхъ мы наблюдаемъ случаи разныхъ приписокъ, добавлений, сдѣланныхъ съ извѣстною благочестивою цѣлью — придать большую авторитетность тому, о чемъ писалось, при томъ есть данныя, говорящія и противъ такой глубокой древности оригинала памятника. Но, во всякомъ случаѣ, этимъ памятникомъ пользуются для доказательства своихъ мнѣній приверженцы древности кириллицы, а въ послѣднее время нашли возможнымъ дѣлать это и приверженцы древности глаголицы, руководствующіеся новѣйшими теоріями о греческомъ ея происхожденіи.

Итакъ, черноризецъ Храбръ знаетъ одну только славянскую азбуку, какую неизвѣстно; о другой онъ ничего не говоритъ. Одну азбуку знаютъ и древнѣйшія (считающіяся наиболѣе достовѣрными изъ славянскихъ источниковъ) житія св. Кирилла и Меѳодія, такъ называемыя „паннонскія“.

На другихъ историческихъ свидѣтельствахъ я останавливаться не буду. Скажу, впрочемъ, что въ одномъ памятникѣ мы находимъ упоминаніе о двухъ алфавитахъ, — это въ греческомъ краткомъ житіи одного изъ учениковъ Кирилла — Климента. Здѣсь говорится, что Климентъ, перенесъ свою дѣятельность въ Македонію, замѣнилъ прежній алфавитъ другимъ. Къ извѣстію этого житія нѣкоторые ученые относятся скептически, но намъ важно упоминаніе о замѣнѣ алфавита.

Итакъ, въ историческихъ памятникахъ мы не находимъ отвѣта на одинъ изъ главныхъ вопросовъ исторіи первоначальной ц.-слав. письменности. Приходится обратиться къ анализу древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ, къ анализу самихъ буквенныхъ начертаній обѣихъ азбукъ, и посмотрѣтъ, не прольетъ-ли этотъ анализъ какого-либо свѣта на занимающій насъ вопросъ.

Посмотрѣвъ на хорошо намъ извѣстный алфавитъ, называемый обыкновенно „кириллицей“, мы тотчасъ скажемъ, что онъ похожъ на греческое уставное письмо. И если мы посмотримъ на греческія рукописи, писанныя уставомъ, то иной разъ прямо-таки покажется, что это наше славянское письмо. Особенно полная иллюзія получается въ такихъ, напр., написаніяхъ, какъ „евангеліе“ и проч. Нѣтъ только кирилловскихъ знаковъ, какъ *ш, ц, ѣ, ъ* и проч., при чемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ, темныхъ по своему происхожденію, знаковъ поражаютъ своимъ сходствомъ съ соответствующими имъ буквенными знаками глаголицы, напр., особенно *ч, щ*.

Если же мы посмотримъ на глаголицу, то источники ея не будутъ такъ ясны, какъ источники кириллицы. Этимъ и объясняется то различіе, которое господствовало и господствуетъ во мнѣніяхъ ученыхъ относительно происхожденія этой азбуки. Въ глаголицѣ насъ поражаетъ какая-то витіеватость, вычурность и потому-то ее считали первоначально чуть ли не алфавитомъ, вышедшимъ изъ славянскихъ рунъ, или финикійскихъ письменъ, или считали письмомъ, нарочно выдуманномъ для того, чтобы сохранить на немъ славянское богослуженіе въ церковныхъ областяхъ, принадлежавшихъ папамъ, въ виду преслѣдованія послѣднихъ. Были и другія догадки. Въ позднѣйшее время болѣе господствуетъ теорія о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсивнаго письма. Представителями и защитниками этой теоріи являлись и являются такіе ученые, какъ Тейлоръ, Ягичъ, арх. Амфилохій, Бѣляевъ и др. Но недостатки этой теоріи тотчасъ же бросаются въ глаза. Уже одно то, что среди этихъ ученыхъ господствуетъ разногласіе при выводахъ изъ греческихъ начертаній глаголическихъ, а затѣмъ самые приемы этихъ выводовъ часто не могутъ быть названы критическими.

И эта теорія противорѣчитъ не только графическимъ приемамъ, но и слѣдующимъ соображеніямъ. Говоря о постепенности образованія алфавитныхъ знаковъ, мы должны были бы предположить о долгой исторіи этого образованія. Между тѣмъ до насъ не дошло ни одного такого памятника, который бы подкрѣпилъ эту гипотезу, свидѣтельствуя о подготовительной эпохѣ. Между тѣмъ, на это не обращаютъ вниманія, и гипотеза о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсивнаго письма является и теперь господствующей.

Анализъ начертаній глаголической азбуки показываетъ

на несомнѣнное ея возникновеніе изъ различныхъ источниковъ. Нѣкоторыя начертанія, дѣйствительно, могли быть взяты изъ греческаго курсивнаго письма, но другія показываютъ на очевидное свое происхожденіе изъ азбукъ восточныхъ. Такъ, напр., глаголическія *ш*, *ц* возникли, какъ думали и раньше, на почвѣ письменъ семитическихъ, въ частности еврейскихъ, и какъ въ новѣйшее время удачно доказываетъ Вондракъ, на основаніи самаритянскихъ. Онъ указалъ на одну характерную особенность, свидѣтельствующую о несомнѣнномъ родствѣ знаковъ въ этомъ случаѣ. Въ еврейскихъ древнѣйшихъ памятникахъ *ш* (шаде) пишется какъ глаголическое и кирилловское „ш“, но въ самаритянскомъ алфавитѣ „ш“ занимаетъ вдвое меньше мѣста, чѣмъ остальные буквы; то же наблюдаемъ и въ древнѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ, особенно въ заглавныхъ написаніяхъ. Въ новѣйшее время была высказана догадка ак. Фортунатовымъ о происхожденіи этой буквы изъ коптскаго алфавита. И раньше отмѣчалось вліяніе коптскаго алфавита въ дѣлѣ созданія глаголицы.

Итакъ, не прибѣгая къ искусственнымъ пріемамъ и не задаваясь заранѣе теоріей, къ которой намъ пришлось бы подгонять данныя, мы должны предположить, что глаголическая азбука была составлена на основаніи различныхъ элементовъ, въ этой азбукѣ нельзя найти такого сходства съ греческимъ курсивнымъ письмомъ, какъ въ кириллицѣ съ греческимъ уставомъ. Глаголическій алфавитъ составлялся и на основаніи греческаго и на основаніи латинскаго и восточныхъ алфавитовъ; кириллица же составила несомнѣнно на основаніи греческаго устава, за исключеніемъ упомянутыхъ ранѣе знаковъ *ш*, *ц*, *ч* и др. И вотъ здѣсь, въ формахъ этихъ знаковъ, насъ поражаетъ нѣкоторое сходство съ глаголицей. Форма *ч* не одинакова, но очень близка, нѣкоторую близость можно видѣть въ обозначеніи глухихъ гласныхъ. Трудно думать, чтобы это сходство — результатъ случайности, больше вѣроятности, если предположить заимствованіе. И вотъ вопросъ, какая же изъ азбукъ заимствовала? Здѣсь уже болѣе на основаніи логическихъ данныхъ можно скорѣе говорить о заимствованіи изъ глаголицы. Трудно предположить, чтобы явилась необходимость замѣнить кириллицу, письмо болѣе ясное, болѣе близкое вслѣдствіе знакомства съ греческой письменностью, письмомъ дру-

гимъ, несомнѣнно болѣе вычурнымъ, неяснымъ? Если Кириллъ былъ на самомъ дѣлѣ составителемъ кириллицы, то спрашивается, зачѣмъ понадобилась вскорѣ другая азбука, болѣе запутанная, особенно послѣ перенесенія дѣятельности его учениковъ въ тѣ страны, которыя находились подъ сильнымъ греческимъ вліяніемъ. Предположеніе же объ образованіи новаго алфавита позже въ Далмаціи и для избѣжанія преслѣдованій папъ, конечно, въ настоящее время должно быть оставлено за открытіемъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ болгарскаго происхожденія. Не было-ли наоборотъ: не явилась-ли, скорѣе, потребность реформировать славянское письмо послѣ Кирилла въ иномъ направленіи, въ смыслѣ сближенія съ греческимъ алфавитомъ. Такъ образомъ, въ греческомъ краткомъ житіи Климента находится отзвукъ исторической правды. Скорѣе всего, замѣна алфавита не была совершена Климентомъ, но, во всякомъ случаѣ, могла совершиться около того времени въ восточной Болгаріи. А тогда необходимо предположить, что глаголица является письмомъ раннимъ сравнительно съ кириллицей, что она-то и есть, по всему вѣроятію, письмо Кирилла. И въ пользу этой гипотезы можно привести слѣдующія соображенія. Упомянутыя мной историческія свидѣтельства, именно паннонскія житія, рисуютъ намъ Кирилла челоѣкомъ съ философскимъ міросозерцаніемъ, челоѣкомъ далекимъ отъ жизни, глубокимъ знатокомъ восточной письменности. И этотъ челоѣкъ могъ задаться цѣлью создать для славянъ особый алфавитъ, основать его не только на греческомъ, но и на другихъ себѣ извѣстныхъ алфавитахъ. Станнымъ можетъ только показаться, почему составитель черпалъ изъ такихъ разныхъ источниковъ, когда имѣлись иногда данныя для этого и въ греческомъ алфавитѣ. Но на это можно отвѣтить то, что иногда фонетика греческаго языка не подходила къ славянской рѣчи, и Кириллъ прибѣгалъ къ помощи другихъ языковъ. Я говорю это не только относительно упомянутыхъ уже звуковъ *ш*, *ц*, но относительно такихъ, напр., какъ *е*, — въ греческомъ онъ могъ звучать нѣсколько иначе, потому была придумана для славянскаго иная буквенная форма. А затѣмъ, конечно, во всемъ этомъ могла играть огромную роль мысль сдѣлать алфавитъ инымъ, самостоятельнымъ. О самостоятельности этого алфавита, большей независимости отъ греческаго, сравнительно съ кириллицей, свидѣтель-

ствують и цифровыя значенія буквъ: въ глаголицѣ нѣтъ такого соотвѣтствія съ греческимъ алфав., какъ въ кириллицѣ.

Вопросъ о происхожденіи и взаимоотношеніи ц-слав азбукъ, — вопросъ очень и очень давній. Онъ имѣетъ огромную научную литературу; много уже отвѣтовъ дано на этотъ вопросъ, но онъ все-же остается вопросомъ нерѣшеннымъ вполне, загадкой, стоящей на пути каждаго изучающаго отдаленные вѣка славянской цивилизаціи. Давно также выдвинута гипотеза о сравнительной древности глаголицы, но первоначально гипотеза эта не была, да и не могла быть, за отсутствіемъ данныхъ, обоснована доказательствами. Еще въ концѣ XVIII ст. чешскій ученый Добнеръ высказалъ блестящую догадку. Онъ обратилъ вниманіе на разницу азбукъ въ палеографическомъ отношеніи и сдѣлалъ заключеніе, что глаголица носитъ отпечатокъ глубокой древности и всѣ признаки алфавита новаго въ отличіе отъ кириллицы, представляющей большое сходство съ греческимъ алфавитомъ. Нужно было пройти еще много времени, чтобы эта блестящая гипотеза могла найти себѣ твердую основу. По мнѣнію Добнера, глаголица, письмо Кирилла, позднѣе была приписана далматинскимъ духовенствомъ блаж. Іерониму для того, чтобы избѣжать гоненія со стороны римскаго духовенства. Гипотеза Добнера вызвала сильный отпоръ со стороны лучшаго знатока славянскихъ древностей Добровскаго. Добровскій высказывалъ мнѣніе, что глаголица, составленная далматинскимъ духовенствомъ, приписана затѣмъ блаж. Іерониму и что составленіе ея относится къ XII или XIII ст. Мнѣніе Добровскаго восторжествовало. Но вотъ въ 1836 году былъ изданъ Копитаромъ ц-слав. памятникъ „Клоцовъ сборникъ“, писанный глаголицей, раннее происхожденіе котораго было несомнѣнно. И вѣсы склонились въ пользу мнѣнія Добнера. Копитаръ склонялся уже къ мнѣнію, что, можетъ быть, глаголица возникла даже раньше дѣятельности Кирилла, замѣнившаго ее потомъ другой азбукой. Мнѣніе Копитара нашло себѣ противниковъ въ лицѣ русскихъ ученыхъ Прейса, Срезневскаго и защитника въ лицѣ Григоровича. Первый придерживался мнѣнія Добровскаго, отодвигая лишь время возникновенія глаголицы къ X в., Срезневскій первоначально проводилъ мысль о возникновеніи ея въ Болгаріи въ IX—X ст. Григоровичъ приходилъ къ заключенію, что глаголица, — алфавитъ Кирилла, а кириллица принадлежитъ Меѳодію. Новые факты,